

Безымянный

Отмороженный (Гладиатор)

Гладиатор

Безымянный

Отмороженный (Гладиатор)

«Научная книга»

Безмянный

Отмороженный (Гладиатор) / Безмянный — «Научная книга»,
— (Гладиатор)

Содержание

Глава I.	5
Глава II.	15
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Автор неизвестный

Отмороженный (Гладиатор)

Глава I.

Иван уже восемь минут сидел в зале ожидания Павелецкого вокзала и прокручивал в голове последние два часа своей жизни.

Все ли правильно он сделал? Никакой ошибки в своих действиях он не находил. Почему же он не может избавиться от ощущения, что за ним наблюдают?

Волки, на которых ему приходилось когда-то охотиться, чуют запах крови за несколько километров и стремятся на его зов, спеша вмешаться в чужую драку и заявить свои права на добычу.

Иван словно волк чувствовал запах опасности, запах смерти. И чем дольше он сидел в полупустом полуночном зале ожидания, тем сильнее становился запах, бил по ноздрям, требовал действий.

Иван почувствовал за собой глаз сразу, как только завершил ликвидацию человека, указанного ему Крестным.

Крестный получил на него заказ от людей, которых Иван не знал и знать не хотел.

Он был исполнителем и исполнял свою партию виртуозно. «Иван-нож», как называл его иногда Крестный, большой любитель Армстронга. Хорошо зная Ивана и умея взглянуть на жизнь его глазами, Крестный не приказывал Ивану (ему вообще никто не мог ничего приказать), а просил его об услуге, о помощи. Крестный никогда не заикался о деньгах, поскольку деньги Ивана никогда и не интересовали.

Выполнив очередную просьбу Крестного, Иван всегда обнаруживал или на своем личном счету в банке или в известном лишь ему и Крестному тайнике очередную пачку долларов и, честно говоря, никогда не прикидывал, сколько и за убийство какого человека ему заплатили. Он знал, что в этом-то Крестный его не обманет и не обидит.

Знал и Крестный, что Иван убивает не за деньги.

Деньги – такая же грязь, как и все остальное в этой жизни.

За деньги Ивана нельзя было купить. За деньги покупают и продают душу, а душа Ивана сгорела в Чечне в огнеметных залпах, после которых восемнадцатилетние русские пацаны горящими факелами бессмысленно бегут, не разбирая пути, навстречу своей смерти, – и если бегут они в твою сторону, выход у тебя один: остановить их пулей...

Опасностью уже не просто пахло, ею воняло. Смертью несло как дерьмом из выгребной ямы, в которую его сажали вместо карцера, когда он был рабом у чеченского крестьянина.

Он понял, что следующие пятнадцать секунд без движения станут последними секундами его жизни.

Иван встал и направился к выходу из зала, так и не определив, где находится источник опасности.

Не дойдя до лестницы шага три, он уловил боковым зрением начало какого-то плавного движения, целью которого был он, это Иван почувствовал каждой каплей своей «отмороженной» в Чечне крови. Смерть летела ему навстречу грозным дурно пахнущим океанским валом, грозящим растворить и утопить в своих пучинах.

Нырнув вперед и вниз, Иван проскользил по мрамору пола и покатился по ступеням лестницы.

Застекленный стенд расписания поездов южного направления, слева от которого он только что находился, осыпался дождем осколков.

Звука выстрела Иван не слышал, да и плевать ему было на звуки. Катясь по лестнице и сбивая своим телом спускавшихся впереди него «уважаемых пассажиров», он не переставал анализировать ситуацию.

«Что сделал бы я на их месте? Расстрелял бы весь этот катящийся по лестнице клубок. Пять попавшихся под руку лишних жизней пришлось бы забрать, но моя смерть была бы гарантирована. Раз я еще жив, значит они ждут, когда я докачусь до низа и клубок тел распадется на отдельные цели. Секунда понадобится мне на то, чтобы подняться на ноги. Я буду неподвижен, тут-то и получу пару очередей в любую часть тела. По их выбору. Не дождетесь, суки...»

Иван остановил свое движение за пять ступеней до конца лестницы, предоставив трем женщинам и двум мужикам с какими-то баулами катиться вниз под пули.

Когда тело первого из них взорвалось фонтанчиками крови и судорожно задергалось на мраморе, не выпуская из рук своих баулов, Иван, сидя на ступенях, уже послал три пули на вспышку и с мгновенным удовлетворением отметил, как брызнула осколками какая-то лысина чуть выше вспыхивавшего выстрелами ствола, и тут же забыл об этом, занятый проблемой отхода с огневой позиции.

Выбив зубы рукояткой своего еще дымящегося ТТ какому-то застрывшему на его пути пенсионеру с клюшкой, он сложным зигзагом пересек нижний зал и нырнул в переход к станции метро, постепенно тормозя свое движение и готовясь принять темп окружающей его людской массы и раствориться в ней без следа, как капля вина в стакане воды.

Он успокоил дыхание и, стараясь не делать резких движений, снизил скорость до нормальной торопливой походки опаздывающего куда-то обывателя.

Не садясь в вагон, он прошел параллельно перрону, смешавшись с массой выходящих из вагона людей, и уже поднимаясь на эскалаторе, проконтролировал обстановку позади себя, прикрываясь, на всякий случай, пухлым телом какого-то толстяка, пыхтящего на одной с ним ступеньке в обнимку со своим не менее аномально пухлым портфелем.

Сзади все было спокойно. Никакого турбулентного возмущения обывательской массы он не зарегистрировал. Запах смерти выветрился из его ноздрей.

Он вновь почувствовал себя иголкой в стогу обывательского сена. Опасность утратила свою остроту и сконцентрировалась где-то на периферии сознания.

Ситуацию нужно было серьезно обдумать.

Он как всегда сделал все чисто.

Изучил распорядок дня этого кретина, зажавшего в своем банке очень крупный правительственный кредит, уже давно четко расписанный по конкретным людям в том же правительстве, которое его и выдало. Большого ему Крестный не сказал, а он и не поинтересовался.

– Ваня, помоги, – просто, как мужик мужика попросил его Крестный. – Люди нервничают, обижаются на меня, сколько можно ждать, говорят. Я не могу его взять, дважды уже осеклись, я троих людей потерял. Он, сука, бережется, знает, что за эти деньги загрызут его. Зря он этот кусок изо рта не выпускает, все равно проглотить не сможет. Загрызут. Беда в том, что загрызть я должен. А он мне уже три зуба вырвал. Убери его, Ваня. Ты сможешь, я знаю. Ты все можешь.

Банкир и вправду берегся.

Он ездил в бронированном «мерсе» с такой плотной охраной, что пуле просто нельзя было пробиться к его телу, она застревала в телах окружавших его охранников. На выходе из машины его закрывали зонтами, уводя из поля зрения возможных снайперов, радиоуправляемые взрывные устройства на пути следования от офиса до дома блокировались локальной радиолокационной защитой, подавляющей сигнал на производство взрыва.

За неделю наблюдений Ивану так ни разу и не удалось увидеть будущую жертву. Впрочем, его это волновало мало. Стрелять он не собирался.

На пальбе, кстати, и погорели двое из людей Крестного. Работали они в паре, и страховали друг друга. Вооружившись спрингфилдами с оптикой, они засели на чердаках соседних домов и недели две наблюдали за приездом и отъездом банкира домой через оптические прицелы, развлекая друг друга анекдотами по кодированному радиоканалу.

Стоило охране на секунду замешкаться и выпустить банкира из машины, не прикрыв его зонтом, как один из киллеров выпустил по нему три пули, свалив на землю, а другой двумя выстрелами раздробил банкирскую голову.

Охрана, однако, повела себя так, словно больше беспокоилась о своей безопасности, чем о жизни своего объекта. Первое, что сделали охранники – заняли безопасные на их взгляд позиции, совершенно не обращая внимание на распростертое у машины тело. Прицельный выстрел из гранатомета по чердаку, который еще не успел покинуть первый стрелок, показал, что они озабочены не столько сохранением жизни хозяина, сколько наблюдением за окнами и крышами окружающих домов. Гранатой стрелка разорвало на части.

Второго, успевшего вовремя покинуть огневую позицию, но не успевшего точно оценить обстановку, выловили при выходе с черного хода и расстреляли оцепившие дом охранники.

Крестный смирился бы с потерей, будь задание выполнено. Но он тут же выяснил, что расстрелян был двойник банкира, хотя и «Эхо Москвы», и «Дежурная часть» РТР сообщили, что погиб сам председатель совета директоров «Интегралбанка» Сергей Кроносов. Разведка у Крестного четко работает.

Кроносов пару дней поддерживал версию о своей смерти, а потом вдруг неожиданно вылез на расширенном заседании правительства с заявлением о необходимости изменить целевое назначение застрявшего в его банке кредита, аргументировав свое предложение заботой о наибольшей эффективности его использования.

Ситуация вернулась на исходную точку. Кроносов берегся пуще прежнего. Чужие деньги были все еще у него и делали его уязвимым.

Крестный решил предпринять еще одну попытку.

Сняв квартиру в доме напротив «Интегралбанка», его человек смонтировал в ней ракетную установку ближнего действия и разнес вдребезги пятый этаж в тот момент, когда, по его расчетам, в кабинете председателя происходило заседание совета директоров.

Взрывом искалечило секретаршу и убило пять банковских клерков и начальника одного из отделов, который проводил в кабинете директора совещание с персоналом. Директора же действительно совещались в это же время, но не на пятом этаже, а в подвале, в бронированном хранилище денег.

Ракетчика взяли менты, не сводившие глаз с «Интегралбанка» после выступления его руководителя в правительстве.

Вернее, пытались взять.

Ему отрезали путь вниз, он ушел на крышу и начал спускаться по водосточной трубе, пока почти все менты ломанулись внутрь дома. Но дом был старый, полувековой постройки, и на уровне четвертого этажа прогнившая труба не выдержала. С двухметровым куском трубы в руках он упал спиной на гребень крыши магазина-пристройки и был еще жив, когда менты снимали его оттуда.

Он умер по дороге в больницу и правильно сделал, потому что жить ему оставалось в любом случае всего несколько часов.

Крестный не прощает таких промахов.

Иван сразу решил не соревноваться с охраной Кроносова в точности стрельбы или неделями ждать, когда она допустит промах.

Тривиальность мышления многих его коллег иной раз просто изумляла Ивана. Они словно не знали других способов лишить человека жизни, как только всадить ему свинец в

череп или разнести на клочки зарядом тротила. Есть много способов убить человека, и каждый раз выбор конкретного из них зависит только от условий выполнения задачи.

Брать банкира нужно, конечно, дома.

Самое сложное – точно выяснить, когда он дома бывает. Остальное – дело техники.

Или профессионализма.

Дома человек наиболее уязвим, потому что дом – единственное место, где он позволяет себе расслабиться, полностью предоставляя заботу о своей безопасности другим людям. А вот этого делать нельзя никогда, Иван знал это твердо и незыблемо.

Только ты сам всегда отвечаешь за свою безопасность, если ты думаешь по-другому, ты уже труп. Поэтому банкир-ворюга был уже мертв, хотя и придерживался еще противоположного мнения.

Ничего, Иван поможет ему взглянуть реальности в глаза. В последний раз.

Визуальное наружное наблюдение не давало никаких результатов, в этом Иван убедился на опыте своих предшественников. План ликвидации сложился у него сразу же, сам собой, как это обычно и бывало прежде.

Это была интуиция смерти.

Иван просто чувствовал, как облегчить смерти путь к человеку, как открыть ей дорогу. Он был проводником смерти, поскольку хорошо понимал ее природу, слишком часто он бывал рядом с ней. Или она с ним.

Это как с женщиной.

Не с блядью, которую берешь, не глядя ей в душу, а только топишь свою тоску в ее теле, только спускаешь в него свое напряжение, не переставая при этом оставаться в одиночестве и даже в самые острые моменты не переставая контролировать ситуацию, всегда будучи готовым переломить ей шею, при малейшей попытке агрессии с ее стороны.

Так, как однажды он сломал хребет питерской проститутке, стоявшей перед ним раком и в тот момент, когда он кончал, сделавшей движение рукой в сторону подушки, под которой лежал его пистолет.

Хотела ли она действительно завладеть его оружием, или движение было случайным, оргастическим, он так и не узнал. Руки его рефлекторно взметнулись с ее задницы и резко опустились на позвоночник в области поясницы. Она продолжала стонать как и секунду назад, даже тон голоса ее не изменился и предсмертные ее стоны оставались сладострастными.

Ломая ей позвоночник, он не переставал кончать, и вновь вцепился в ее ягодицы, подхватив качнувшееся и обмякшее тело. Еще две-три судороги свели его тело, прежде чем он окончательно понял, что ее необходимо добить. Он отпустил ее зад и она упала вперед, ткнувшись головой в стену и подсказав ему, что делать дальше. Взяв ее голову обеими руками – за подбородок и затылок – он резким движением вправо свернул ей шею и начал спокойно одеваться.

«Хорошая смерть, – подумал он. – Не каждому так везет – умирать, наслаждаясь...»

Последнее, что он запомнил, покидая ту питерскую квартиру, – капли его спермы, сочащейся из тела, еще несколько минут назад бывшего столь живым, что сумело возбудить его желание. А сейчас оно мертво, а он не чувствует ничего, кроме досады на баб, которые не умеют кончать, не дергая руками.

Со смертью не так.

Ему приходилось видеть ее близко, зрачки в зрачки, ощущать ее дыхание на своих губах.

Те, кто говорят о близости смерти, чаще всего не знают, о чем говорят.

Ведь речь идет не о расстоянии, а о взаимопонимании.

Смерти нельзя сопротивляться, это совершенно бесполезно, если уж она тебя выбрала, тебе не уйти. У тебя только один выход – принять ее и раствориться в ней, так, чтобы она поверила тебе, раскрылась перед тобой, обнажилась, раскинулась перед тобой как само вопло-

щение животной чувственности, приняла тебя в свое лоно и растворила в бездне небытия. Только там, дико вопя и изливая из себя остатки жизни, ты оставшимися клочками разума понимаешь, что в тот момент, когда она овладевала тобой, ты овладел ею тоже, что вы слились с нею в оргазме, но ты все еще жив, она отпустила тебя, хотя ты и не понимаешь – почему.

Может быть, потому, что ты оказался слишком сладким любовником для нее.

А это значит, что она вернется за тобой, обязательно вернется, и ты живешь в ожидании ее возвращения, страшась даже воспоминания об этом оргастическом счастье-ужасе, и одновременно стремясь к нему. С непривычки от этого может поехать крыша, но потом ты с удивлением замечаешь, что все еще жив и не сошел с ума.

Но теперь ты знаешь смерть, знаешь ее запах, как запах женщины, спавшей в твоей постели. Чувствуешь ее приближение, видишь ее словно реальную человеческую фигуру. Мало того, ты чувствуешь, как она заигрывает с другими, и в тебе вскипает злость, будто это твоя женщина флиртует с какими-то ублюдками.

И ты помогаешь им утонуть в ней раньше, чем они захлебнутся в ее милости.

Если хотите, это – ревность...

Итак, его план предусматривал знание распорядка дня его жертвы. Вернее – вечера.

Дни Кроносов проводил в банке, который охранялся не хуже, чем управление гестапо в третьем рейхе – на каждом этаже, на каждом углу, повороте коридора стояли автоматчики, каждый из которых находился в пределах видимости своих соседей справа и слева. Станция радиолокационной защиты не выключалась ни на секунду, посетителей обыскивали вполне профессионально, что исключало возможность попадания внутрь здания неучтенного охраной оружия или взрывчатки, а всех недовольных таким режимом проверки, вежливо но твердо выставляли вон.

К тому же, Кроносов, как доносила разведка Крестного, не вылезал из своего бронированного подвала.

Берегся, сволочь.

Ивана интересовало, как проводит Кроносов время внутри своей квартиры, занимающей пятый этаж элитного дома на Тверской.

По сути, ему был доступен лишь один вид слежения – акустический. Им он и воспользовался.

Тщательно изучив планировку этажа и возможную его перепланировку, Иван определил наиболее перспективные для наблюдения помещения, которые по его предположениям, служили Кроносову столовой, спальней и гостиной. Не попасть из пневматической винтовки в стекла пятого этажа мог только вовсе безрукий. В результате на стеклах выбранных Иваном комнат оказалось по присоске-мембране, способных фиксировать звуки внутри помещения и передавать их кодированным сигналом на расстояние до пятисот метров. Оконное стекло само по себе – прекрасная мембрана-резонатор и нужно лишь подключиться к этой естественной системе регистрации акустической информации и передать ее по назначению.

Иван не ошибся в предположениях о перепланировке этажа в одну квартиру и спальня оказалась действительно спальней, а вот на месте гостиной оказалась столовая и, соответственно, наоборот. Но это не играло никакой роли для Ивана. Единственное, что его интересовало – в какое время Кроносов принимает душ.

За три дня прослушивания вечерней жизни Кроносова Иван выяснил это достаточно точно.

Приезжавший ежедневно в 22-00 банкир минут сорок мотался из комнаты в комнату, общался с детьми, слушал щебет жены о каких-то проблемах со служанкой, с летним отдыхом, куда ей с детьми ехать: на французскую Ривьеру, где она была уже раза четыре и где ей чрезвычайно нравилось, или выбрать что-нибудь экзотическое, типа сафари в джунглях экваториальной Африки – банкирше не давала покоя антилопа, подстреленная ею прошлым летом в

Конголезском национальном парке. Теперь она жаждала более острых ощущений и намеривалась охотиться на буйволов и носорогов.

«Жадная, сучка, в постели» – подумал Иван.

Раздраженный чем-то, скорее всего, проблемой собственной безопасности, Кроносов в ответ обложил ее трехэтажной тирадой, обвешав с ног до головы вербализованными гениталиями.

Если она страдает без вялого стручка своего французского ебара, заявил он, пусть выпьет его сюда, дорогу банк оплатит, но – ненадолго, иначе он, Сергей Кроносов, оторвет ему яйца и заставит ее их съесть. А поохотиться можно и здесь – на зверей не менее диких: пусть берет свой карабин и лезет на крышу дежурить, он, мол, знает, что дюжина головорезов крутится вокруг дома, ловя момент, чтобы расплескать его мозг, мозг финансового гения, по асфальту.

«Сейчас он ее трахнет» – подумал Иван.

И точно, окно спальни начало транслировать стоны и выкрики.

Иван понял, что Кроносов знает о близости своей смерти – тот трахал жену ежедневно и подолгу, измочаливая ее до того, что она переставала стонать и однажды даже заикнулась – мол, хватит, достаточно. Но только сильнее возбудила его и Иван еще минут двадцать слушал энергичное дыхание банкира, завершившееся его сдавленным мычанием, в котором понимающий причину его возбуждения Иван уловил сожаление от невозможности продолжать прятаться в женское тело и страх возвращения из женского лона на свет божий.

Банкир жаждал жизни и стремился в женщину, как в надежную защиту от наемных убийц, там, в ней, он недостижим для пуль, поскольку еще не родился, еще окружен теплым и безопасным, убаюкивающе колышавшимся океаном женской вагины.

Иван знал о женщинах больше, чем обезумевший от страха банкир.

В женщине, в ее теле заключена не жизнь, а смерть, которая предшествовала жизни, дремлющее, потенциальное существование в женской мягкости, еще не пробужденное к активности твердым мужским вмешательством – магически притягивающая смерть-покой.

Жажда испытать его и бросает мужиков на женщин, думал Иван. Но многие ли из нас понимают, что от смерти-конца мы ищем спасения в смерти-начале?

Свою сексо-психологическую реабилитацию Кроносов заканчивал одинаково: покрывавая и постанывая, удалялся из зоны слышимости.

Иван будто видел как он сползает с измочаленного тела жены, которая молча и, судя по всему, неподвижно отлеживалась, пока банкир отсутствовал в спальне, а затем бормотала вернувшемуся Кроносову какую-то чушь типа – «Ты мой тигр...» или «Я люблю твой член...», чем едва не провоцировала банкира на еще один припадок секса, и благополучно ускользала, вероятно, в душ.

Кроносов, покидая жену, тоже, вероятно, принимал душ, но Ивану мало было догадок, он должен был знать наверняка.

И уже на третий день ему повезло – Кроносов, судя по всему, не закрыл дверь душа и теперь плещущаяся вода играла ему шопеновский марш «На смерть героя», хотя ничего не понимающий в эстетике смерти банкир его и не слышал.

Следующим вечером Иван сменил позицию наблюдения.

С чердака соседнего трехэтажного дома, на котором трое суток подряд он проводил ночные часы, отслеживая кроносовский режим, он перенес его под землю – в коллектор-водораспределитель, который благодаря тесноте московской застройки оказался во дворе не элитного дома, а в соседнем с ним.

Слышимость была отвратительная, но подробности прощального вечера Сергея Кроносова в кругу семьи его не интересовали, ему важно было лишь уловить, не нарушается ли общая канва традиционной вечерней жизни банкира.

И когда болтовня, из которой до него доходили лишь отдельные фразы, сменилась невнятными, но характерными выкриками и весьма откровенными стонами, Иван окончательно понял, что смерть Сергея Кроносова уже заключается в его руках.

Он даже возбудился сам, но думал не о женщинах.

Пока банкир трудился над женой, он успел разобраться в хитросплетении водопроводных труб, благо к элитному дому вел отвод из свеженькой нержавеющей, еще сохранившей торговый знак фирмы-изготовителя, и за полторы минуты просверлил тонкостенную стальную трубу с помощью портативной ручной дрели с фианитовым резцом диаметром со швейную иглолку.

Из отверстия рванула тонкая струйка горячей воды с такой силой, что об нее можно было вполне порезать руку.

Яма коллектора начала было заполняться паром, но Иван уже через пару секунд заткнул отверстие специально приготовленным стальным поршневым шприцом, заполненным третьей производной синильной кислоты – боевым отравляющим веществом, еще недавно стоявшим на вооружении армий ряда государств, негласно, конечно, поскольку использование в военных действиях химического оружия запрещено международной конвенцией.

Теперь Иван с нетерпением ждал, когда Сергей Кроносов кончит последний раз в своей жизни и отправится в душ, навстречу своей смерти, дорогу которой укажет он, Иван.

Наконец, звуки, доносящиеся из спальни банкира, прекратились вовсе.

Сосредоточенный Иван отметил едва уловимое изменение в тоне гудения от напора воды трубы. Кроносов включил душ.

С трудом преодолевая сопротивление напора воды, Иван выдавил в трубу содержимое шприца, затем развинтил и убрал его, оставив в отверстии иглодержатель в виде стальной затычки. Мазнув по месту отверстия грязью, Иван окончательно скрыл – по крайней мере от визуального осмотра – следы своего вмешательства в работу московского водопровода.

Его работа окончена, осталось только убедиться, что жертва поражена, и благополучно скрыться с места происшествия.

Выбравшись из коллектора и с удовлетворением отметив, что в безлюдном московском двореке по-прежнему – ни души, кроме какой-то дворняжки, испуганно шарахнувшейся от приподнявшейся чугунной крышки, на которой она устроилась погреться прохладным майским вечером, распаренный в соседстве с горячими трубами Иван с удовольствием хлебнул холодного вечернего воздуха и присыпал края крышки коллектора пылью, скрыв следы того, что недавно она открывалась.

На чердак он возвращаться не стал, а направился к одинокой будочке таксофона неподалеку, сделал вид, что набирает номер, и стал прислушиваться к звукам банковской квартиры.

Она молчала еще минуты три, затем послышался тяжелый усталый вздох, какая-то возня. Вероятно, жена Кроносова («Уже вдова,» – хмыкнул про себя Иван) устала ждать, когда освободится душ и решила поторопить мужа.

Затем – шлепанье босых ног по полу, еще секундная пауза и короткий, испуганный женский визг.

Дождаться, когда поднимется суeta на всех этажах и к дому слетятся машины скорой помощи, Иван не стал, а спокойно стал удаляться в направлении, перпендикулярном Тверской.

Количество случайных, побочных жертв только что совершенного им теракта, его не только не волновало, но даже не интересовало. В каждом деле есть свои издержки производства, и если, забирая жизнь нужного человека, ты прихватишь пяток или десяток ненужных, что ж из этого?

Человек смертен, как утверждал кто-то.

Иван не помнил точно – кто: скорее всего, его хозяин и господин, чеченец, у которого русские рабы мерли как мухи от побоев и голода, и над каждым из умерших тот вздыхал, как над разбитой чашкой или раздавленной каблуком маковой головкой.

Хотя, может статься, эти слова принадлежат и кому-то из литературных героев – Иван после Чечни плохо помнил литературу, которую прежде, на гражданке, знал прилично.

Но зато он хорошо помнил конец этой фразы: «Беда в том, что часто человек внезапно смертен».

Внезапная смерть и настигла того старика-чеченца, когда неделями выжидавший удобного момента Иван воткнул ему свой средний палец правой руки в висок и скрылся с маковой плантации в горах. После чего он понял одну простую истину: внезапная смерть – беда лишь для того, кто умирает, для того, кто помогает ей прийти – она благо.

Скольким внезапным смертям он помог после этого осуществиться...

Массовых отравлений в микрорайоне, способных посеять среди москвичей панику и серьезно всполошить столичное управление по борьбе с организованной преступностью, он не опасался.

Стойкость использованного им вещества в горячей воде составляет всего несколько минут, далее оно разлагается на совершенно нейтральные соли и выпадает в осадок. Тем более, что концентрация его в потоке растворяющей горячей воды падает в геометрической прогрессии и довольно скоро окажется ниже боевой, то есть способной вывести человека из строя окончательно. Но те, кому за эти несколько минут «посчастливиться» соприкоснуться с горячей водой – обречены: воздействуя через поры кожи вещество парализует деятельность важнейших нервных узлов и вызывает остановку сердца. Симптомы весьма схожи с инфарктом миокарда, поэтому очень часто применение этого ОВ остается нераспознанным.

Но, конечно, не в этом случае, подумал Иван. Достаточно было хотя бы еще одному идиоту за эти пять-шесть минут сунуть руки под горячую воду – и два синхронных инфаркта уже привлекут внимание – если не службы безопасности банка, то уголовки.

А, впрочем, хрен с ними, до меня им не добраться.

Именно в этот момент его и шибануло по ноздрям близостью смерти. На этот раз его собственной.

Он даже не стал выяснять, где источник опасности, настолько острым было ощущение, настолько волнующим и побуждающим к действию.

Он в этот момент уже шел по Тверскому бульвару, на котором кроме него не было видно ни души. Визг тормозов впереди, на перекрестке бульвара с пересекающей его улицей, заставил Ивана бросить взгляд вперед.

В самом центре перекрестка, точно на осевой бульварной линии остановилась БМВ и еще заканчивала откатное инерционное движение назад после резкого торможения, как Иван уже покинул линию огня вдоль бульвара, на которой он оказывался единственной и очень удобной мишенью для стрелков, вполне возможно, сидящих в машине, и нырнув в сторону, пересек проезжую часть бульвара и скрылся в первом попавшемся дворе.

Он еще не связал окончательно появление машины с интересом к своей персоне, но хлопнувшие вслед за этим дверки и звуки топота ног торопливо бегущего человека, развеяли его сомнения.

Охотились на него.

Заигрывать со смертью не входило в планы Ивана.

Он относился к ней глубоко и серьезно и вовсе не стремился в положение человека, который оказывается смертен внезапно. Поэтому он не стал дожидаться, когда человек, идущий по его следам, продемонстрирует уровень своей квалификации и степень профессионализма.

Перемахнув два-три каких-то забора, Иван вышел на соседнюю улицу, и его едва не сбили с ног сворачивающие во двор «Жигули». Он остановился прямо на пути машины и ее водителю волей неволей пришлось остановиться.

Иван прыгнул к дверце, рванул ее на себя и правой рукой сгреб водителя за воротник кожаной куртки. Тот еще не успел донести руку до внутреннего кармана, что у него там было

– нож или пистолет, Ивана не интересовало – как Иван выдернул его из-за руля и шмякнул с размаха о стену дома.

Через десять секунд Иван уже выруливал на южный радиус.

Он знал, что пока владелец «Жигулей» и кожаной куртки доберется до телефона и сообщит в ГАИ номер своей машины, пройдет две-три минуты. Это время нужно использовать максимально эффективно.

Через минуту он сворачивал на Садовое и еще полторы минуты двигался по часовой стрелке с максимально разрешенной скоростью. Затем свернул направо в первый разрешенный поворот, остановил машину и выскочил из нее, оставив мотор включенным, а дверку незакрытой.

Зачем, он и сам не мог толком сказать. Вероятно, в надежде, что незапертая машина обязательно привлечет чье-нибудь не слишком законопослушное внимание, а работающий двигатель сам собою спровоцирует желание прокатиться в более укромное место, где машину можно будет основательно ободрать.

Впрочем, о машине он забыл, едва оторвался от ее руля.

Чувство опасности не ослабевало, хотя и не было столь острым, как в тот момент, когда он оказался на линии огня.

Ноги машинально несли его к ближайшему вокзалу.

Это было не самое безопасное место, напротив, во многих отношениях это место всегда представляло большую опасность, чем любой другой московский закоулок.

Дело в том, что москвичи, при всей их пестроте и многообразии, представляют собой в чем-то очень однородную массу.

Иван не был коренным москвичем, и в минуты нервного напряжения его чужеродность этому городу проявлялась в нем настолько ясно для него самого, что обретала чуть ли не визуальную плотность. Он становился чужим, но и московское население, озабоченное исключительно собой и решением только своих проблем, проявляло к нему, чужому, повышенное равнодушие. И любой заинтересованный взгляд в его сторону был для Ивана камнем пущенным ему в висок, камнем, от которого нужно уклониться.

Это было, словно бег по пустыне, по однородной массе песка, где каждый отличный от этой массы камушек, кустик, зверек приковывает повышенное внимание. В пустыне труднее спрятаться, но зато и гораздо легче обнаружить присутствие человека.

На вокзале – совсем иначе.

Однородная масса москвичей оказывалась на вокзалах столь разряженной невероятным количеством «гостей столицы», что окружавшая Ивана пустыня превращалась в восточный базар, где не протолкнешься без стычки от одного товара до другого, где под каждым цветастым халатом может оказаться припасенный для тебя кинжал или пистолет, где у каждой узкоглазой красавицы между грудей или между бедер припрятана ядовитая кобра, поражающая тебя, стоит тебе на секунду расслабиться.

Вокзал для Ивана – это какой-то кошмар, где он во всяком прошедшем мимо человеке вынужден подозревать потенциального врага, настолько легко профессионалу принять вид ожидающего свой поезд приезжего из какой-нибудь Тьму-Таракановки.

И все же Иван стремился на вокзал.

У него были свои принципы организации контакта с противником. И они его еще ни разу не подводили, иначе у него не было бы возможности убедиться в их справедливости еще раз.

Он ставил противника в тупик логикой своего поведения. Вернее – отсутствием всякой логики.

Он забивался в такой угол, откуда был только один выход – под прицельный огонь его преследователей. Он ловил соперника на живца, на самого себя, на свое тело.

И это срабатывало безошибочно, стабильно и каждый раз в его пользу.

Пока тот, кто хотел его убить, искал в его действиях скрытого подвоха, пока выбирал из десяти удобных для поражения позиций наиболее удобную, пока пытался понять, почему Иван так настойчиво стремится ускорить свою смерть, он терял темп, упускал время, давал Ивану возможность проанализировать свою безвыходную с виду ситуацию, сконцентрироваться и сосредоточиться и найти единственно возможный выход. Иван очень хорошо, лучше, чем кто-либо и когда-либо стремившийся его убить, знал пути, по которым ходит смерть.

И сам ходил по ним не раз, ведя ее за собой.

И в зале ожидания Павелецкого вокзала, куда его занесло инстинктивно, он сидел, полужакрыв глаза, оставив между ресницами щели ровно настолько, насколько необходимо, чтобы фиксировать движение вялых пассажиров в полусонном зале и был уже готов к мгновенному действию, когда волна щекочущих нервы обнаженностью смерти ощущений подняла его навстречу пулям и заставила на долю секунды опередить направленные в него выстрелы.

Госпожа Смерть вновь побывала рядом и потерлась об него своим лбом, провела по его губам набухшими возбужденными и возбуждающими сосками, ласково потрогала за яйца и поцеловала ствол его пистолета.

Он чувствовал опустошение и глубокий покой разливающегося по жилам удовлетворения.

«Я тебя люблю», – запоздало признался он той, близость с которой пережил несколько минут тому назад...

Глава II.

Происшествие на вокзале поставило серьезную проблему не только перед Иваном, но и перед Крестным.

О его задании-просьбе, о ликвидации Кроносова, знали только два человека – он, Крестный, и сам Иван. Если Иван сочтет, что попытка его убить сразу после завершения задания не простое совпадение, их доверительно-»родственные» отношения грозят обостриться до предела. Крестный знал, что Иван не любит, когда кто-либо берется распоряжаться его жизнью. Если Марьев идет навстречу смерти – это только его выбор, только его желание.

Человек, который его подставил, может считать себя покойником.

Конечно, Крестный мог уйти в глухую оборону и ждать, когда Иван опомнится, когда пройдет его обида и он начнет рассуждать спокойно. Людей у Крестного хватало, чтобы соорудить себе охрану, не хуже, чем у Кроносова.

Крестный горько усмехнулся.

Во всех московских газетах сегодня красовались некрологи с сообщением о «скоропостижной неожиданной смерти от сердечного приступа председателя совета директоров „Интегралбанка“ Сергея Владимировича Кроносова», выражались сожаления и соболезнования и прочая мур.

Газетные писатели изошрялись друг перед другом, кто во что горазд. Доказательств ни у кого не было и быть не могло, но предположения об убийстве строил каждый второй, благо повод был налицо – миллиардный кредит все еще отягчал счета «Интегралбанка», хотя сообразительные чиновники из министерства финансов уже воспользовались ситуацией и подготовили к очередному заседанию правительства проект решения об отзыве кредита в связи с дестабилизацией ситуации с руководством банка.

Кое-что о целях, на которые должны были пойти миллиарды, чуть не зажатые Кроновым, Крестному было известно, и беря в руки некоторые из газетенки, упражнявшихся в красноречии, он иной раз вздрагивал от точности попадания. И тогда проблема собственной безопасности начинала беспокоить его еще сильнее. Он опять вспоминал необъяснимое происшествие с Иваном, и вконец расстраивался.

Сам Крестный считал стрельбу на вокзале чистой случайностью, никак не связанной с ликвидацией Кроносова. Он просто не хотел допускать такую возможность.

О том, что заказ идет через него, знали только сами заказчики, которых он никогда не считал серьезной силой в своей игре, настолько они были несамостоятельны и слабовольны. Они имели деньги, имели возможность их иметь, но для этого им нужен был он, Крестный. Он это знал и, завершив «обязательную программу», позволял себе «вольные упражнения», тасуя колоду интересов людей с которыми он сталкивался так, как хотелось ему и в любой ситуации имея пару тузов в рукавах.

Иван был ему нужен как никто другой.

Это был его последний козырь, не столько даже главный, сколько неожиданный аргумент, всегда решающий ситуацию в его пользу, поскольку Иван никогда не был тривиален, за исключением тех случаев, когда от него ждали оригинальности и готовились к ней. Тогда Иван принимал самое банальное, что можно было придумать, и это громом среди ясного неба для всех его противников.

Иван не был ферзем. Он был всего лишь пешкой, но пешкой, дошедшей до восьмой горизонтали и готовой в любую секунду заменить собой ферзя. Или любую другую фигуру. В этом и была его главная ценность. Он был никем, но мог стать кем угодно.

Иван был лучше ферзя.

Само по себе то, что Ивана пытались убить, не было неожиданностью, такие попытки предпринимались и раньше, каждый раз, понятно, заканчиваясь неудачей, но ставя Крестного в тупик – откуда этим ублюдкам становилось известно, что Иван – в Москве?

Но связь покушения на Ивана со смертью Кроносова – вообще из рук вон плохо. Это могло означать только одно: кто-то начал самостоятельную игру на том уровне, откуда Крестный получал заказы.

Игру, правил которой Крестный еще не знал, и это сильно его беспокоило, до нервного тика в левой брови.

Вчера, когда Иван позвонил среди ночи и открытым текстом, по телефону начал выяснять, проверял ли Крестный свой личный состав и явился ли на вечерний развод лысый ублюдок, которого он, Крестный, отправил, якобы, сторожить Павелецкий вокзал, Крестный сразу понял, что не все с Иваном в порядке.

– Ваня, как ты, сынок? – спросил он, очень надеясь, что Иван поймет, о чем он спрашивает.

Иван понял и ответил так, чтобы Крестный в свою очередь понял:

– Кайф ловлю...

И опять понес какую-то пургу про лысого ублюдка, расшвырявшего свои мозги по мраморному полу вокзала.

Крестный понял: Кроносова Иван убрал.

Но сам тоже чудом избежал смерти.

Впрочем, такие чудеса с ним бывали и не раз.

Но еще ни разу не бывало, чтобы Иван заподозрил его, Крестного, в намерении его убить...

Позвонив Крестному, Иван немного успокоился.

Ощущение опасности переместилось из правого полушария в левое, потеряв конкретность и реальность и просто слившись с условиями его дальнейшего существования, став такой же абстракцией, как, например, Уголовный кодекс, о существовании которого он, конечно, знал, но еще ни разу не испытал реального столкновения с ним. Он, собственно, затем и звонил Крестному, чтобы проверить его реакцию на сообщение о стрельбе на вокзале.

Нет, он не верил, что Крестный имеет отношение к этому, а поговорив с ним по телефону, только убедился в этом.

Конечно, до конца он Крестному не доверял.

Он и самому себе иной раз не доверял, прислушиваясь порой к своим мыслям, как прислушивался к ночным шорохам ветреной чеченской ночи, готовый обернуться и выстрелом, и удавкой, и залпом огнем.

Он слишком хорошо знал цену обманчивого эйфорического забытья, в которое впадает мозг, утомленный многочасовым напряжением.

Однажды минута слабости, когда он, послав всю эту войну к чертям собачьим, на секунду, как ему тогда показалось, привалился спиной к скале и прикрыл глаза, сразу же погрузившись к каку-то колышущуюся стихийную бездну, превратилась в годы и горы терпения.

Единственным содержанием его существования в это время было вытерпеть боль и выжить.

Он тогда очнулся от боли в запястьях, скрученных колючей проволокой и от бьющей в нос сладковатой вони разлагающегося собачьего, как ему показалось, трупа, уткнувшись лицом в который, лежал он на земляном полу какой-то землянки. Застонав, он привлек внимание черного, словно углекоп, чеченца, покуривавшего у стены.

Увидя, что Иван очнулся, тот встал и, взяв его за шиворот, приподнял с земли и заглянул в глаза.

– Ты жив, русский собака? Ты пожалеешь, что ты жив...

Чеченец дернул его кверху и посадил непослушное иваново тело у своих ног.

– Ты хорошо нюхал это?

Чеченец нагнул его голову и Иван увидел: то, что он принял за труп собаки, было куском человеческого мяса.

Разодранная грудная клетка белела уже обнажившимися от сгнившего мяса костями, если бы не обрубок шеи и не остатки руки, оторванной по локоть, Иван не признал бы в этой гниющей куче останков человека. Он разглядел даже червей, обильно копошившихся под обломками ребер.

Чеченец пнул кучу мяса ногой.

В ноздри Ивану ударил тошнотворный запах гнили, его замутило.

– Открой глаза, русский биять! – заорал чеченец. – Ты будешь есть этот падаль! Этот русский падаль! И ты сам будешь падаль! Падаль! Падаль!

С каждым словом чеченец бил его лицом о гниющие человеческие кости, разбивая в кровь его губы, нос и брови. Иван успел заметить, как струйка крови с его лица потекла вниз, окрасила кости, закапала с них на червей, превращая их из белых в красные копошащиеся обрубки.

Потом он потерял сознание...

...Иван мотнул головой, копошащиеся перед глазами красные от его крови черви исчезли.

Он не позволял вспоминать себе Чечню, ампутировавшую его душу чисто и уверенно, лучше скальпеля любого хирурга-профессионала самой высокой квалификации. Чечня – это был «хирург», забиравший душу полностью, оставлявший после нее ровное, гладкое место, покрытое таким же пушком волос, как и все остальное тело.

Как будто ее никогда и не было.

«Хирург милостью Божьей», – подумал он, нисколько не смущенный явным противоречием этой фразы. Божий дар – Душа, не казался ему милостью. Это был источник страданий, боли, ужаса, ненависти к самому себе и ко всему миру. Милостью было избавление от Души, которую он отдал в Чечне Великой Смерти, что, собственно, и помогло сохранить ему жизнь.

Только это.

Ладно, хватит воспоминаний...

Раз Крестный здесь не при чем, то – кто?

Кому понадобилось забрать мою жизнь?

Второй звонок Ивана успокоил Крестного. Иван верил ему. И это пока было главное.

Слишком большие планы он связывал с Иваном.

Его нужно было беречь, а для этого необходима была информация – от кого беречь, какие силы вступили в игру?

Кое о чем Крестный и сам догадывался. Но он же не гадалка с Тишинского рынка, выдающая свои предсказания с уверенностью прокурора и столько же верящая в них, сколько адвокат в искренность подзащитного.

Крестный слишком хорошо знал цену человеческим заблуждениям. Самообман шел по твердой таксе: неверная интерпретация важного факта – жизнь. Твоя или твоих людей.

– Ляг на дно, Ваня, – сказал Крестный. – На пару дней. Тебя ищут. Не знаю, пока, кто. Но серьезные люди. Может быть, посерьезнее меня. Жди. Я постараюсь выяснить.

Крестный рассчитывал на встречу с Лещинским, помощником руководителя аппарата Правительства, от которого он должен был получить оставшуюся часть вознаграждения за ликвидацию строптивного банкира. Аванс был получен до операции и Крестный уже перевел на тайный иванов счет круглую сумму. Он знал, что Иван никогда не проверяет, сколько ему заплатили, но мысли пожадничать, сэкономить на оплате его работы, у Крестного даже не возникло.

За такую работу не жалко никаких денег.

Лещинский, несмотря на свою скромную должность, был большим человеком в Правительстве. Гораздо большим, чем человек, помощником которого он числился. Не все, правда, это знали, но и слава Богу.

Известность жизнь не удлинит. Никому, даже эстрадным звездам.

Лещинский был неким аналогом Крестного со стороны Правительства. Через него шли все заказы от чиновников и часть заказов от политиков. Он обладал колоссальной информацией о связях чиновничества с криминалитетом и мог утопить любого, кто захотел бы утопить его.

Молодой и симпатичный Лещинский знал все обо всех, что делало его существование не только в Правительстве, но и вообще на свете, крайне неустойчивым. Его жизнь могла оборваться каждую секунду, стоило ему лишь сделать неверный шаг, даже не сделать, а ногу занести для неверного шага, захотеть его сделать.

Опасны для него были не столько «динозавры», обросшие каждый своим кланом, своими каналами для выкачки денег, своей охраной и своими «отрядами спецназа», и возделывавшие каждый свой «огород» любовно и заботливо, не допуская к своей «капусте» никаких молодых и голодных «козлов» и ведя регулярный отстрел «браконьеров». Они поделили сферы влияния давно, еще когда он, Лещинский, был сопливым студентом Плехановской академии и алчно, с голодным блеском в глазах поглядывал на их вотчины и собирал информацию о каждом.

Эта-то информация и дала ему возможность понять, что соваться в их закрытые структуры чужаку не следует, «динозавры» все страдали ксенофобией и кадры для своих команд ковали тщательно и возвращали с соблюдением всех требований современной селекции.

Обмануть можно человека, систему обмануть невозможно, понял Лещинский через пару лет своих студенческих исследований правительственных структур, настойчиво выявляя островки стабильности в турбулентном, штормящем море государственной жизни России последних лет. Он учился понимать логику событий, в которых, на первый взгляд, не было никакой логики, учился видеть житейский рационализм в государственном абсурде и настойчиво искал точку безопасного существования в условиях постоянной деструктуризации жизни.

Открытие, которое он для себя сделал, вряд ли имело «народнохозяйственное» значение, да и было, по существу, банальной аксиомой жизненного устройства, но по его личным оценкам оно явно тянуло на Нобелевскую премию.

Его место не внутри, а между, понял Лещинский.

Не надо совершать набеги на огороды динозавров, неудачные примеры таких попыток занимали несколько томов его неофициальной «диссертации».

Переть напролом можно только на кладбище.

И то, если только твой труп будет когда-нибудь обнаружен.

Сколько молодых и наглых, стремящихся отвоевать у стариков свое место у государственного корыта, пропало без вести. Наверняка, их тела нашли последний приют где-нибудь в внутри железобетонных конструкций, в осыпях песчаных карьеров, в топях подмосковных болот или не менее укромных и безвозвратных местах.

Стремясь заместить собою, своею фигурой кого-то, имеющего прочное место в этой жизни, ты должен иметь более прочные основания под собой, чем тот, на чей фундамент ты собираешься приземлиться.

А что наиболее прочно в любой драке, ведь без драки место тебе никто не освободит.

Ум?

Любой ум вытечет из дырки в голове, которую тебе проделает самый что ни на есть безмозглый охранник.

Скорость реакции?

Скорость хороша, когда приходится удирать.

Сила!

Деньги у людей отбираются только силой, добровольно никто с ними не расстаётся. Любая власть берётся только силой.

Любая?

Тут-то и пришло к Лещинскому его житейское открытие.

Соревноваться силой не то чтобы с кем-то из динозавров, с любой из их «шестерок» ему не приходится. Сегодняшняя сила – это количество стволов, которые ты можешь выставить. Ствол у Лещинского не было ни одного, и денег, чтобы купить хотя бы один, тоже не было.

Будь в Правительстве всего один «динозавр» и всего одна структура, Лещинского никогда бы не посетило его озарение. Но в том-то и дело, что таких частных, локальных, индивидуальных структур было несколько и время от времени они выясняли между собой отношения, главным образом, отстаивая от посягательств свои сферы влияния и защищая границы своих территорий.

Нужен координатор, одной из функций которого будет соблюдение корпоративных интересов каждой группы.

Пожалуй, – главной функцией, от которой будет зависеть его существование, его безопасность, его уровень доходов и, соответственно, жизни.

Что еще будет входить в его задачи? А вот это уже не проблема.

Все, что угодно. Координатор может иметь под собой структуру какого угодно уровня, способную выполнять любые задачи. Нужно только не увлекаться, обуздать свое тщеславие и не стремиться на самый верх.

Пример Горбачева его не вдохновлял. Захотел провинциальный властолюбец стать Координатором и стал. Не так уж это и сложно, как оказалось.

Справиться и косноязычный.

Лещинского вдохновлял сам уровень человека, открывший тому дорогу к заветной цели. Он-то мог судить объективно, и, сравнивая себя с первым российским президентом, не мог не видеть разницы. Причем, в свою пользу.

Впрочем, Горбачев – жертва своих же необузданных желаний, местечкового тщеславия, слободского бонапартизма. Тем более, его всегда подпихивала под зад дражайшая супруга.

Вот чего нужно в первую очередь опасаться, решил Лещинский тогда еще, в годы правления Раисы Максимовны. Чтобы твоими поступками, твоими решениями руководили твои желания, а не желания женщины с которой ты живешь. Вернее, под которой ты живешь.

На этом Горбачев и погорел. Погоняемый женой, он ломанулся вверх, зацепился там и попытался создать свою структуру, совершенно не понимая специфики жизни структур.

Каждая структура страдает манией отцеубийства.

Чем обширнее и разветвленное структура, тем сильнее у нее жажда крови. В каждом ее узелке накапливается это патологическое стремление вверх, и чем выше структурный уровень, тем больше единичных властолюбивых векторов суммируются в мощную обезглавливающую саму себя структурную волну. Часто она ударяет снизу с такой силой, что голова просто отлетает от государственного тела как инородный предмет.

Лещинский вполне мог бы привести примеры из всемирной истории, из французской государственной жизни, например, но распространение своей теории до уровня универсальной его мало интересовало. Его больше привлекал аспект ее практического использования.

То, что раньше называли – «внедрением в народное хозяйство».

Конечно, ошибок Горбачева он повторять не будет.

Во-первых, некому подталкивать его в задницу.

Ни одна баба не в силах привязать его настолько, чтобы занять главное место в его жизни. Случайные женщины, время от времени появлявшиеся в его жизни, так и останутся случайными. Ни одна из них не сможет понять отсутствия у него стремления спрятаться в ее теле и

они будут продолжать сменять друг друга, пока одна из них не удовлетворится ролью пусть главного, но все же предмета домашней обстановки. И еще будет благодарна, что ей отведена не роль кушетки.

Его собственные желания – это единственное, что для него свято.

Во-вторых, в его желания вовсе не входит становиться во главе столь нестабильной и постоянно деформирующейся структуры, как Российское государство.

Если сравнить призвание чиновника с призванием актера, то Лещинский любил не себя в искусстве, а искусство в себе. Внутреннее понимание процесса вхождения в реальную власть и ее практическое осуществление было для него гораздо важнее, ценнее, чем конкретная, пусть даже самая высокая должность в государственно-политическом аппарате.

Кстати, он терпеть не мог современных политиков. То есть чистых политиков, не имеющих реальной государственной власти. То, что называется оппозицией. Это был путь неудачников, стоящих последними в длинной очереди, глотающими слюни и только дышащими в затылок тому, кто снимает сливки.

Это же просто эгсбиционисты, любящие раздеваться на публике и трясти перед телекамерами своими политическими гениталиями. Их путь известен, обычно они заканчивают карьеру, захлебнувшись своими слюнями.

В-третьих, у него совершенно другой способ координирования.

Принципиально другой. Имеющий иную природу.

Координатор, понял Лещинский, не должен быть распредвалом, толкающим поршни и фактически устанавливающим очередность активности между ними. Каждый из поршней обладает своими степенями свободы и способен на такое сопротивление и такую «отдачу», что без особых усилий согнет в дугу любой управляющий собой механизм, а то и выкинет его к чертям собачьим за пределы наличного бытия.

Координация – функция скорее пассивная, чем активная. Координатор не должен думать и принимать решения за тех, чьи действия он координирует. Он должен думать о последствиях их действий.

Ведь все разборки между «динозаврами» происходят по одной простой причине – никто не следит, чтобы эти бесформенные островки государственной стабильности не цеплялись друг за друга в своем хаотическом движении по российскому фарватеру, не напарывались на мели и мины, не врезались в айсберги.

Человеком, который возьмет на себя задачу, обязанность, миссию следить за тем, чтобы интересы главных, наиболее сильных групп соблюдались, не входя в противоречие друг с другом, будут дорожить все, кто своими интересами дорожит. Достаточно превратить себя в этакое машинное масло, в государственный солидол, облегчающий процесс соприкосновения между собой деталей государственной власти.

И не за чем для этого иметь собственную структуру и тем самым подвергаться опасности внутрискруктурного переворота.

Нужна лишь информация, умение ее анализировать и делать выводы.

И то, и другое у Лещинского было в избытке. За годы целенаправленного изучения российской чиновничьей жизни у него скопились не только горы такой информации, за которую приходилось платить порой очень дорого, а порою она сама шла в руки откуда не ждал – со страниц газет, с экрана телевизора, из разговоров и сплетен – нужно было только суметь отличить зерна от плевел.

У Лещинского выработалась привычка оперативного анализа всего, что попадало ему в руки, точнее, в голову. Со временем он стал не только убеждаться с каждым попавшим к нему новым фактом в правоте своих мнений и истинности умозаключений, но даже и предвидеть действия тех или иных групп. Лещинский мог предсказать, какой шаг будет тайно предпринят

конкретной экономической группировкой и каким образом этот шаг найдет отражение в средствах массовой информации.

Пару раз он даже угадал вечером заголовки утренних статей в «Московском комсомольце». После чего в шутку подумывал, не сделать ли ему карьеру политического оракула...

Но и этого было все-таки мало.

Нужен был еще механизм реализации бесценной информации в реальные действия, конкретные шаги по буйствующей ниве государственно-политического хаоса. Нужна была борона, способная прореживать дикие всходы социального чертополоха и оставлять жизненное пространство наиболее сильным из них, без особого труда выдерживая слабую чахлую поросль.

И Лещинский задумался.

Он был перспективным, только что вылупившимся из институтского яйца молодым функционером, энергичным и способным к самостоятельному мышлению, что делало его привлекательным для любой структуры, стремящейся пополнить свой резерв пешечным материалом, который годами держат на старте, готовя к пути по вертикали.

Беда в том, что план игры зависит от короля, в войско которого ты попадаешь и на до твоих интересов ему совершенно нет никакого дела. Он даже не знает, что ты – живое существо, а не абстрактная фамилия в штатном расписании, что у тебя есть какие-то свои желания, своя неудовлетворенность жизнью.

Попадая в его армию, становясь солдатом, ты всю жизнь обречен добиваться осуществления только его желаний, ища для своих какой-нибудь закуток своей жизни, оставшийся незакрытым желаниями короля твоего войска.

Лет через пять тебя так искорежит, изломает чужая воля, что ты искренне будешь считать навязанный тебе извне образ жизни своей настоящей жизнью. Тебе придется забыть, что на свете существует что-либо еще, кроме интересов твоего короля, которые ты еже не сможешь отличить от своих интересов.

Но твоего в тебе уже не будет ничего.

Или почти ничего.

Кроме кошмарных снов, в которых навязчивый мотив преследования тебя самим королем будет сменяться не менее навязчивым мотивом убийства короля, которое будет страстно охватывать тебя во сне и от которого ты будешь просыпаться в холодном поту и хвататься за ручку какого-нибудь «Гордонса», специально стоящую для таких случаев у изголовья твоей кровати. Терпкий можжевеловый аромат джина будет вымывать из твоих мозгов картины разборок с недостижимым для тебя авторитетом, а вместе с тем и остатки твоего трепыхающегося еще «эго» из твоей психики.

Такая перспектива Лещинского, конечно, не устраивала.

Привычка к анализу информации и прогнозу помогла ему увидеть то, что начинающий чиновник обычно может увидеть лишь в конце своей неудавшейся карьеры, выходя на пенсию, если, конечно, мозги его не иссохнут к этому времени от постоянного трения о вышестоящее мнение, а зрение сохранит возможность видеть свое отражение в зеркале, а не только во взгляде начальства.

Увидеть и избежать такой участи.

Лещинский долго размышлял, прежде чем увидел свое место в государственной структуре. В результате у него сформировались кое-какие требования, которым оно должно было удовлетворять.

Оно не должно быть слишком высоким, чтобы не привлекать к его фигуре лишнего внимания, что бы там с ним не случилось.

Особенно внимания пронырливых газетных писак.

Он уже знал, что хотя ни одна из газет не имеет полностью самостоятельной позиции, служат они совершенно разным группировкам и держать под контролем их все совершенно

невозможно. Контроль здесь происходит на другом уровне, вернее, по другому принципу, не гарантирующему, что использование информации о тебе не окажется кому-то выгодным.

Он должен быть не интересной для газетчиков фигурой.

Не второго и не третьего, а, может быть, десятого ряда.

И он должен стоять у кого-то за спиной, «голову» имея свою, а «руки» – непосредственного начальника. На самом-то деле, конечно, посредственного, чтобы иметь возможность манипулировать его «руками» так, как ему, Лещинскому, нужно.

Наконец, он должен иметь свободный и не привлекающий ничьего внимания доступ фактически к любому островку государственной власти. Что-нибудь вроде регулярных обходов, входящих в сами его обязанности.

И конечно же, при любой смене верхушки он должен оставаться на своем месте. Настолько оно должно быть незначительным.

При всей его значительности в том случае, если займет это место он.

Он почувствовал, что его час пробил, когда узнал о смерти одного настолько незначительного человека, что сам бы никогда и не вспомнил о существовании той должности, которую тот занимал и которая теперь оказалась свободна.

Пока Лещинский, служа на последних, самых микроскопических ролях то в одном министерстве, то в другом, пытался решить свой жизненный ребус, решение было рядом, буквально под боком, но увидеть его даже Лещинскому было нелегко, настолько идеальным оно было.

Когда он узнал из болтовни в курилке, что умерший вчера Аркадий Аполлинарьевич служил на своем месте еще при Брежневе, а карьеру начинал вообще до Хрущева, при Иосифе Виссарионовиче, он сразу внутренне напрягся. Предчувствие удачи окатило его волной, подхватило, понесло и уже просто-таки руководило его дальнейшими поступками.

– А кто это? – спросил он, уже предвкушая удовольствие от разгадки одного из жизненно важных для него вопросов.

И в ответ услышал название должности, которой жаждал, не зная о ней, и которой ему предстояло теперь добиваться.

– Помощник руководителя аппарата Правительства по межотраслевой координации, – ответил кто-то из министерских всезнаек.

«Бог ты мой! – изумился тогда Лещинский. – Даже это слово прозвучало. Все – эврика!»

Месяц он обхаживал руководителя аппарата, который вообще хотел эту должность сократить, за ее полной ненужностью для осуществления работы аппарата. Введена она была черт-те когда, и зачем – уже никто не помнил.

Лещинский показывал такие чудеса красноречия, находил такие убедительные аргументы о необходимости координации работы аппаратов различных министерств и ведомств, приводил такие убийственные примеры государственных промахов, связанных с отсутствием именно такой координации (благо, информации и на эту тему у него было хоть отбавляй), что разубедил-таки своего будущего начальника сокращать должность. Не назначить же на нее Лещинского, самого горячего ее защитника, было бы просто свинством.

Начальник же аппарата свиньей не был. Он был кадром тоже старой формации, из породы тех, в ком система убила личное содержание, и кто борется только за интересы дела. В пределах своего понимания и своей компетенции, конечно.

Он продержался ровно две недели после прихода Лещинского.

Ровно столько тому понадобилось, чтобы найти Крестного.

Лещинский с самого начала знал, что самому ему не придется ни «разводить» отряды боевиков, ни мотаться по городам и весям необъятной России, объясняя бестолковым мэрам и губернаторам что не все промышленные объекты, находящиеся на их территории, принадлежат им, а кто хозяин, и чего – конкретно, знать им вовсе и не обязательно. Лещинский чув-

ствовал интуитивно, что есть структура, для которой эти дела привычны и обыденны, и которая охотно возьмет их на себя, поскольку ежедневно выполняет десятки и сотни подобных дел.

Обязательно найдется, кому выполнять задания. Нужно лишь сформулировать эти задания и оплатить их выполнение.

Ну, оплата – это не его проблема. За хорошую работу никто платить не откажется, «кидала» на своем месте усидит не долго, свои сожрут.

А вот идеи – это пожалуйста!

Первая его идея не принесла ему ни копейки денег, да это и не входило в его планы. Главное было запустить механизм, главным винтиком которого он себя ощущал. Винтиком, на котором все держится.

Доскональное понимание интересов правительственных группировок подсказало ему одну простенькую, но весьма эффективную превентивную меру в отношении строптивого красноярского губернатора, являвшегося заместителем государственной энергетической комиссии и в своих личных интересах, которые он прикрывал, естественно, краевыми интересами, выступавшего против повышения тарифов на электроэнергию. Для РАО ЕЭС «Россия» это было как отсутствие оргазма в затянувшемся половом акте. Все было сделано уже давно, всякое сопротивление внутри Правительства подавлено, Госдума куплена со всеми ее политическими фракционными потрохами, внимание Президента переключено на предвыборную кампанию, население обработано бреднями газетчиков, живописными репортажами с бездействующих энергетических станций и иссушающими мозги обывателя рассуждениями телекомментаторов. Невозможно было обойти одного идиота, который, пользуясь своим громогласным голосом и кое-каким влиянием на членов комиссии, не давал хода продуманному и подготовленному повороту скрипучего государственного колеса. Повороту всего на один градус, может быть, и того меньше. Просто – небольшая корректировочка, которая, однако, обещала принести целой армии чиновников обеспеченную старость, сытую жизнь их детям, бриллианты их любовницам. Да что говорить, много людей рассчитывало покормиться с этой акции.

Первое, что сделал Лещинский, и это была чистая самодеятельность – обратился к «солнцевским». Ему назначили встречу на платформе Востряково у Московской кольцевой и потребовали приехать на электричке, а не на машине. Он так и сделал. Его довольно грубо втокнули в БМВ, завязали глаза и рванули с места под восемьдесят. Вскоре свернули направо, судя по всему, на Боровское шоссе, и ехали довольно долго, лениво поругивая тесноту на дороге. Затем свернули опять направо, на улицу потише, и минут через пять Лещинского вытащили из машины и провели на второй этаж какого-то здания. Его усадили за стол и сдернули повязку с глаз. Не ожидавший быть допущенным сразу, Лещинский с удивлением увидел перед собою второго в Солнцевском районе человека. На его вопрос, – чего, мол, звонил, фраер, и вообще, откуда телефон узнал, – Лещинский объяснил откуда он и что есть заказ: надо, мол, изолировать одного довольно большого человека на две недели, а потом выпустить. Но так, чтобы он ничего не узнал ни о заказчиках, ни об исполнителях. Пока о нем наводили справки, он слегка огляделся, хотя очень-то вертеть головой все же опасался. Братва из Солнцева больше пижонила, чем вправду была озабочена конспирацией. Глаза ему завязывали, а окно задернуть шторками не удосужились. «Конспираторы хреновы», – раздраженно подумал Лещинский. С одного взгляда он узнал переделкинскую платформу, берег Сетуни, да и улица была какая-то знакомая, какая-то Чоботовская аллея что ли? Да тут же все улицы так называются, вспомнил Лещинский, этих аллей – не меньше десятка.

Справки о нем навели, он для них был человеком из Правительства и, стало быть, вполне традиционным и платежеспособным заказчиком. «Солнцевские» раскинули мозгами, прикинули уровень своей организации к уровню заказа и чистосердечно предложили грохнуть его, да и дело с концом, причем много они за это не возьмут, по средним расценкам – тыщ семь-восемь баксов.

Ничего другого Лещинский и не ожидал. Он отказался от убийства, заявив, что заказчик говорил именно о похищении, а ликвидацию оплачивать не будет. «Солнцевские» зачесали в затылке. Тогда Лещинский предложил комиссионные за поиск компетентного исполнителя. Те сначала приоскорбились – за кого, мол, нас держишь! Но хруст баксов всегда заглушает самолюбие. И Лещинского три дня передавали из рук в руки, пока не свели, наконец, с Крестным. К «солнцевским» он не имел абсолютно никакого отношения, они, собственно, и не знали о нем ничего, кроме этого имени – Крестный. Да им и не положено было знать.

Крестный в конспирацию не играл, видно она ему была глубоко по хрену. Знал человек точно, когда ему прятаться и от кого. Такая позиция вызывала уважение Лещинского.

Они встретились в театральном ресторане на улице Горького. Место назначил, конечно, Крестный, и появился он в ресторане уверенно, спокойно, не бросая быстрых взглядов по столам. Вел себя как человек именно того уровня, который устраивал Лещинского. Сел за столик Лещинского и молча, изучающе посмотрел на него.

Лещинский заикнулся о «солнцевских», Крестный сказал одно только слово – «шпана». И Лещинский понял, что опять – эврика, «нашел».

Крестный спросил фамилию и назвал сумму, от которой Лещинский чуть не присел. Но сообразил, что платить-то будет не он, так что – какая разница. Он выразил свое согласие и сказал, что хотел бы иметь возможность дать сигнал. Крестный взглянул на него с интересом, содержания которого Лещинский так и не понял, и назвал знакомый уже Лещинскому номер телефона в Солнцево, из чего Лещинский самокритично заключил, что он дурак, и очевидно, здесь дела так не делаются. Прежде чем идти на встречу с человеком такого уровня, нужно решить заранее все свои вопросы, а не нагружать занятых людей ожиданием своих дурацких сигналов. Но другого выхода у него и не было. Нанимать исполнителя, не найдя заказчика, он не мог. Риск не договориться с энергетиками все же существовал, а платить в таком случае пришлось бы ему самому.

Не ожидая его согласия или несогласия, Крестный встал и направился за другой столик. Лещинский понял, что аудиенция окончена.

Допив свой «Мартель» он отправился в министерство энергетики, где уже успел установить более-менее доверительные отношения с референтом заместителя министра, человеком тертым и сообразительным, что было видно с первого взгляда и слышно с первого слова. Обычный их обеденный треп за бутылкой «Староарбатского» не выходил за пределы общих рассуждений о тупости провинциальных руководителей и абстрактных идей о необходимости внутриаппаратной силовой службы, способной решать оперативные министерские проблемы.

– Я слышал, готовится похищение красноярского губернатора. Вся Москва об этом болтает, а Вы, как всегда, ничего не знаете, – вместо приветствия огорошил он знакомого референта, глаза которого, как обычно, ничего не выражали, кроме готовности своего владельца впитать о чем угодно и от кого угодно.

– Всю Москву я не слушаю, дорогой мой, а вот Вас выслушаю с большим вниманием. О каких это слухах Вы говорите?..

...И вновь Лещинский не ошибся. Референт очень внимательно выслушал слегка расширенную версию слуха о готовящемся похищении, причем Лещинский вернул, что называют даже сумму, которую заплатил заказчик за похищение, хотя саму сумму референту не сообщил.

Минуту, не больше, тот сидел в раздумье, затем извинился и попросил Лещинского подождать с четверть часа. У него, мол, срочный и важный разговор, а с Лещинским он хотел бы обязательно обсудить одну проблему, интересную для обоих.

Через пятнадцать минут он уже разговаривал с замминистра и уловив в его тоне напористую заинтересованность, решил идти напролом. Он сообщил ему сумму, названную Крест-

ным, прибавив к ней собственные издержки, и сказал, что, опять-таки, по слухам, сумму эту заплатил кто-то из их ведомства.

– Ну, мы-то с Вами понимаем, что по сравнению с теми деньгами, которые наша контора получит в случае повышения тарифов, сумма просто смехотворна, – не моргнув глазом ответил замминистра. – Такие суммы для нашего министерства – это ежедневные, рядовые траты. Конечно, если бы это случилось в реальности, это решило бы существенную для нас проблему. Надеюсь, Вы меня понимаете, я говорю – если бы... Можно даже сказать, что я даже хотел бы, чтобы эти слухи не оказались только слухами.

– Тогда давайте без реверансов, – облегченно вздохнул Лещинский. – Когда у вас назначено очередное заседание комиссии?..

...Крестный тогда всю операцию провернул в два счета.

Упертый провинциал даже не берегся. Вся его охрана состояла из шофера-телохранителя, тупого сибирского амбала, которому только вышибалой работать в каком-нибудь захламленном ресторане, а не людей охранять от московских профессионалов. Он так медленно разворачивал свое огромное тело, что так и не увидел, кто накинул ему удавку на шею и заткнул рот тряпкой, пропитанной эфиром.

Строптивного губернатора скрутили как барана, сунули в мешок и две недели продержали на подмосковной даче, заколовив окна и двери досками и просовывая ему еду через собачий лаз в двери. Шофера держали в подвале, а чтобы не буянил и не разнес подвал вместе с дачей, периодически кололи раствором серы. Старый испытанный способ российских «трезвяков» и «психушек». Он не увидел ни одного лица, не услышал ни одного слова от своих охранников, и был освобожден в центре Москвы. Его подобрала патрульная «канарейка» у входа в Московский планетарий в совершенно бессознательном состоянии. Он облевал весь газон, обоссался и, конечно же, был отправлен в «трезвяк», где опытный врач с двадцатилетним стажем поставил стопроцентный диагноз: острое алкогольное отравление коньяком «Лагранж» французского производства. Документов у него не оказалось, зато в карманах пиджака нашли четыре сотни долларов и карточки нескольких хорошо известных московским любителям развлечений массажных салонов, под вывесками которых, почти не скрываясь, работали публичные дома.

Когда этот придурок протрезвел, он так и не понял, что с ним произошло, и начал орать своим громоподобным голосом, что его похитили, что он губернатор, ну и тому подобную, на взгляд ментов, ахиною. Московские трезвяки кого только не видали.

Он позвонил в министерство и тоже начал было орать, но у него очень вежливо и очень холодно поинтересовались, почему он не явился на последнее заседание комиссии, состоявшееся, к сожалению, без него. Он начал орать еще больше, тогда у него спросили, откуда он звонит. Он бросил трубку и начал орать на ментов. Его похитили, его напоили, его увезли, привезли...

Менты не любят, когда на них орут. Но, чтобы подстраховаться, спросили, что это за карточки у него в карманах. Он долго и с интересом рассматривал ламинированные картонки визиточного формата и сказал, что видит их впервые. Кое-то до него начало доходить, когда по первому же из указанных на карточках телефонов подтвердили, что, действительно, совсем недавно у них побывал сам красноярский губернатор и остался очень доволен уровнем предоставленных ему массажных услуг.

Он начал было что-то бормотать, но и второй телефон выдал такое же подтверждение. До губернатора дошло, что «легенда», которую ему соорудили, выглядит гораздо правдоподобнее его утверждений о похищении. По четвертому телефону он уже сам попросил не звонить. Менты смотрели на него с ожиданием извинений. И он извинился. Сказал, что не протрезвел еще окончательно, когда кричал о похищении, что теперь он вспомнил, где напился, вспомнил всех этих девочек, то есть женщин, ну, блядей, то есть... Он окончательно запутался в словах и просто стал просить уничтожить протокол и записи в журнале. Менты народ обидчивый, но

отходчивый. Четыреста долларов помогли им понять друг друга. Губернатор о них не вспоминал, а менты не напоминали. В результате упоминания о них в протоколе не оказалось, как, впрочем, не оказалось в нем и упоминания о задержании губернатора, да и самого протокола – тоже.

Губернатор тем самым спас свою политическую карьеру, но больше никогда не шел против течения. Он оказался понятливым пациентом.

Лещинский стремительно шел к тому образу, который нарисовал в своем воображении и которому, на его собственный взгляд, идеально соответствовал. Он умел выбрать человека, которому можно и нужно было сообщить о себе необходимую для его целей информацию. Дозированную, но весьма красноречивую. Энергетики не забыли его услугу и свели с газовиками. К угольщикам он сам нашел дорогу, и одна из его идей привела к задержке финансирования угольной промышленности и затяжной забастовке шахтеров Кузбаса из-за невыплаты заработной платы.

Крестному понравилась его напористость и интенсивность поставляемых им заказов. Прежде ему приходилось держать целую команду, так сказать, менеджеров, осуществлявших связь с Правительством. Теперь всех их заменил собою один Лещинский.

Уже при втором контакте Лещинский изложил ему свою просьбу-предложение.

Его начальник, руководитель аппарата, слишком хорошо знает свою работу. Его компетентность – реальная помеха столь удачно начатому сотрудничеству. На его месте нужен другой человек. Нет, он вовсе не себя имеет ввиду. Нужен человек, который просто не будет мешать работать.

Эта-то фраза и убедила Крестного, что Лещинский именно тот человек, с которым можно работать. Если бы он заикнулся о собственной карьере, это была бы последняя их встреча. Крестного всегда убеждала логика целесообразности, здравый смысл. В Лещинском этого смысла было – хоть отбавляй.

Крестный пошел ему навстречу. Начальника Лещинского через день нашли в самом центре Москвы в Кремлевском переулке с обширной гематомой в области затылка. Никто не мог понять, как он, никогда не покидавший пределов Кремля без машины, попал в этот аппендикс Красной площади. Впрочем, об этом голову ломали недолго. Вскрытие показало, что его хватил инфаркт, а гематома, скорее всего, от удара об асфальт при падении.

Еще через два дня на освободившееся место назначили человека, показавшегося Крестному подходящим. Он сам его выбрал, надавил на кое-кого из должников, кое-кого попросил, кое с кем попарился в Сандунах, заплатил кое-кому, короче кадровый механизм скрипнул, шевельнулся и нужный человек оказался на нужном месте.

С Лещинского он не взял ни копейки. Во-первых, сам был заинтересован в исходе дела. Во-вторых, Крестный всегда предпочитал иметь кого-то в должниках, чем самому быть у кого-то в долгу. А потратив сотню-другую долларов на нужное дело, он не обеднеет. Скорее – выиграет.

Вот так Лещинский и оказался на своем месте.

И, надо сказать, обжился на нем неплохо. Для Крестного он был человеком из Правительства. Для тех, кто обдeldывал через него свои дела – связным, представителем криминального мира. Его это вполне устраивало, он не хотел быть ни чьим, он хотел быть сам по себе. Все знать обо всех, все или почти все мочь, и, видя на много ходов вперед, иметь возможность уходить от опасности.

Уже через полгода он мог реально влиять на события в России, чтобы направлять их в нужную для себя сторону. С «динозаврами» у него проблем не было. Он пас их «стада» и вовремя отгонял набеги хищников, подсовывая тем добычу попроще, менее сытную, но более доступную. Старики были довольны и не доставляли ему особых хлопот, со своими мелкими проблемами справляясь самостоятельно.

Гораздо больше мороки было с функционерами новой формации, ворочающими мозгами не хуже него, но так и не нашедшими кормушки, способной удовлетворить их аппетиты. Да и аппетиты у них были – не сравнить со стариковскими. Их ненасытность его порою просто раздражала. Если у стариков мерилом хорошей жизни были наши российские мерки, эталонированные еще во времена Брежнева и ограниченные в силу того, что ограниченность была заложена в самих эталонах, то новые функционеры ориентировались на мерки новых русских, представления о жизни которых сформировались под действием двух факторов: образом жизни миллионеров Нового Света и приоритетом ментального «Хочу!» над реальным «Возможно» в инфантильной психике нового русского.

От них Лещинскому тоже поступали заказы. Но иногда даже для него они оказывались совершенно неожиданными и к сожалению, довольно часто – невыполнимыми. Один, например, вызвался оплатить организацию перемещения столицы на Урал. Лещинский был несколько ошарашен, когда, подумав, увидел целесообразность этого проекта сразу для нескольких российских экономических групп, но все решила следующая мысль, тут же пришедшая ему в голову: «А мне-то это на кой хрен?». И выбросил все из головы.

Но это – так, экзотика.

Гораздо хуже было то, что некоторые из молодых, но резвых, бредящих большой властью и большими деньгами, — большими по меркам нового времени – создавали свои тайные параллельные силовые структуры с целью активно вмешиваться в плавное течение традиционной российской неразберихи.

И слишком часто последнее время эти структуры начали проявлять свою активность. Вмешиваться в дела, относящиеся к его, Лещинского, компетенции. Это его раздражало, поскольку он не знал, как этому противостоять.

Например, с этим «Интегралбанком». Ведь с самого начала деньги предполагалось выводить из бюджета через другой банк, не столь крупный и, уж явно, не столь строптивый. Так нет же, в последний момент решение было изменено, и деньги попали к Кроносову. Кто вмешался? И как им удалось прижать министерство финансов? Этого Лещинский не знал. Знал он только, что вызволять эти деньги пришлось ему. И Крестному.

Кстати, туго тому пришлось. Шуму он наделал немало. А закончилось все банальным инфарктом. Счастливая случайность? Повезло Крестному? «Повезло всем нам», – поправил себя Лещинский. В конце концов, это уже не его дело – почему умер Кроносов. Его нет, деньги попали туда, куда и предназначались. Заказ так или иначе выполнен и должен быть оплачен.

Поэтому Лещинский вез на встречу с Крестным туго набитый долларами дипломат – гонорар за выполненную работу. Кроме того, был у него к Крестному и разговор, в перспективе стоящий гораздо больше не одного такого дипломата...

...Свой разговор был и у Крестного к Лещинскому.

Прежде всего, что за идиотизм – своими руками отдаете в банк деньги и тут же начинаете вызволять их обратно. При всей российской неразберихе в других делах с деньгами всегда обращались четко и продуманно, это Крестный знал твердо. Деньги никогда и нигде не лежали безнадзорной кучей, никогда не попадали не по назначению, если, конечно, назначением считать не строку в бюджете, а их реальное, конкретное, а порой и именное назначение, и всегда доходили до потребителя, хотя потребителя этого чаще всего знали два-три человека во всей России.

«Деньги с пути не собьются,» – было одной из поговорок Крестного, в которых формулировались его жизненные законы.

Второй тревожащий его момент. Что-то охрана у Кроносова была сильновата. Не подобает банкам иметь в распоряжении таких головорезов с гранатометами и действующих столь профессионально. Для охраны от мелких шавок, время от времени, проверяющих надежность банковских стен, вполне достаточно и традиционной втрое-вчетверо меньшей по численности

охранной службы. И что-то он, Крестный, не слышал, чтобы где-нибудь банковская охрана имела на вооружении гранатометы. Что-то есть в этом слишком необычное, что-то тут не так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.